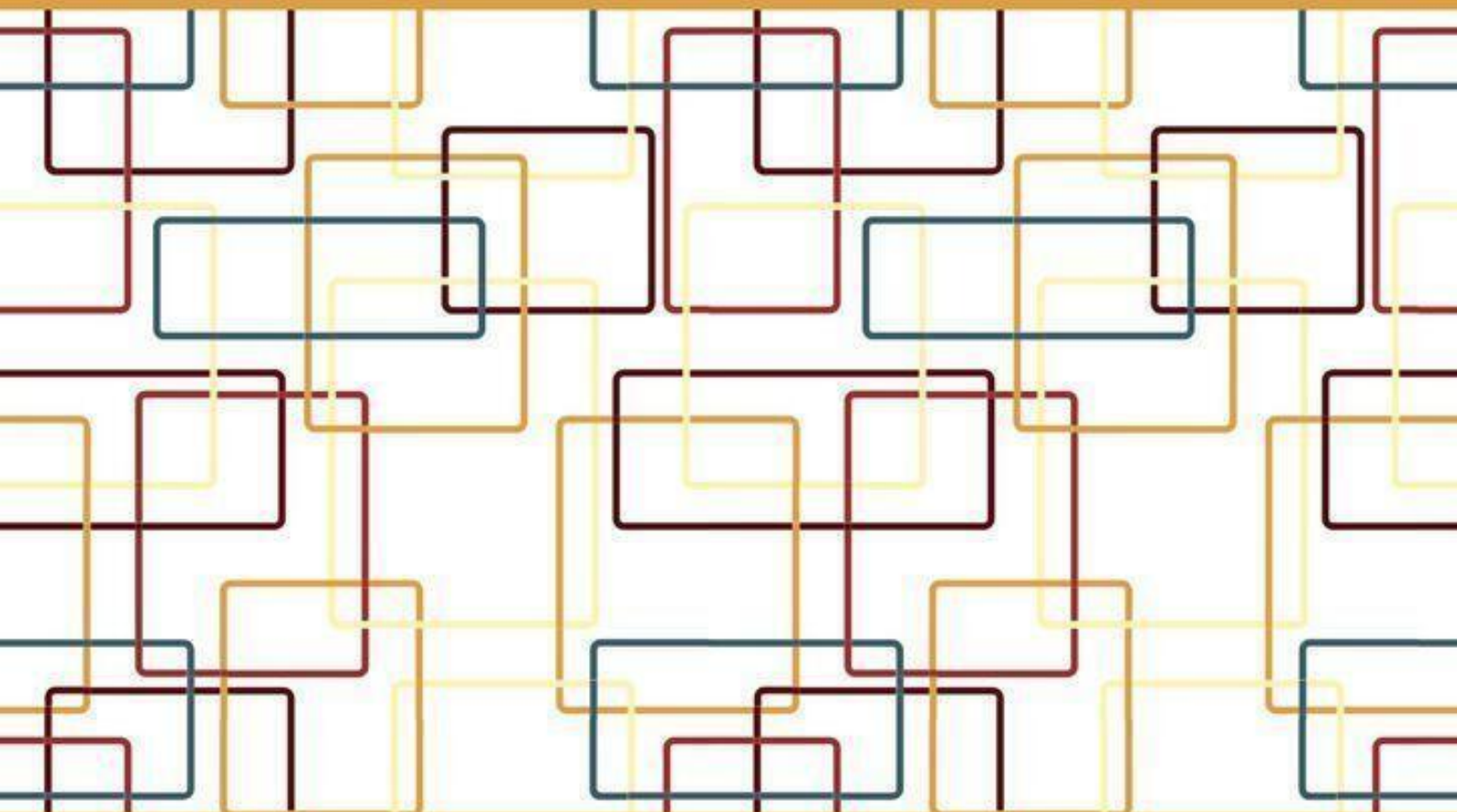

18+

Эрих Эрлэнбах

**КОД 348. ЗОНА-1:
ДВАДЦАТЬ МИНУТ
ДО ВЫЛЕТА**

Эрих Эрлэнбах

**Код 348. Зона-1: Двадцать
минут до вылета**

«Издательские решения»

Эрлэнбах Э.

Код 348. Зона-1: Двадцать минут до вылета / Э. Эрлэнбах —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Лёша
Соколов меняет офис на грузовой терминал Шарля-де-Голля. Первая
ночная смена — и сразу контрабанда, учебные муляжи Сюрте и аврал,
когда до вылета остаётся 20 минут. Здесь старый водитель искупает вину
тридцатилетней давности, диспетчер боится любить, а пёс-детектор чует
правду. Каждый груз — чья-то жизнь. Каждый рейс — испытание. Успеешь ли
ты, когда таймер тикает?

© Эрлэнбах Э.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I. НОЧЬ ПЕРЕД СМЕНОЙ	7
Глава 1. Эстакада в тумане	8
Глава 2. КПП №4. Ночной страж	12
— 345-FG-789	14
Глава 4. Бытовка. Ритуал заступления	20
Глава 5. Ночной перрон. Пустой и злой	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Код 348. Зона-1: Двадцать минут до вылета

Эрих Эрлэнбах

© Эрих Эрлэнбах, 2026

ISBN 978-5-0070-7109-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Тот, кто никогда не был в Зоне-1 в три часа ночи, не видел настоящего аэропорта.

Бетон был мокрым. Он всегда был мокрым здесь, даже если дождь не шёл уже три дня. Казалось, сама земля под Шарлем-де-Голлем пропиталась влагой настолько, что отдавала её обратно каждой трещине, каждой выбоине, каждой разметочной линии, нанесённой поверх асфальта.

Красные огни бежали по полосе — один за другим, как светлячки в ночи. Тягачи, багажные тележки, топливозаправщики. Все они двигались по своим маршрутам, подчиняясь невидимой хореографии, которую диктовали диспетчеры из стеклянных башен. Это был танец, который длился круглосуточно, без выходных, без праздников, без остановок. Танец, в котором каждый шаг был просчитан до миллиметра, каждая секунда была на вес золота.

Прожекторы выхватывали из темноты хвосты самолётов. Синие, белые, красные ливреи. «Эр Франс», «Эмирейтс», «Бритиш Эйрвейз», «Люфтганза». Они стояли ровными рядами, как спящие гиганты, и только гул вспомогательных силовых установок выдавал, что они живы, что они ждут своего часа, что они готовы в любую секунду расправить крылья и унести в небо.

Вдали, за бетонным забором с колючей проволокой, горели огни пассажирского терминала. Там, за стёклами, люди пили кофе, читали книги, смотрели в телефоны, обнимались на прощание, смеялись, плакали, ждали. Они не знали, что происходит здесь, на другой стороне забора. Они не знали, что каждый их чемодан, каждая посылка, каждый конверт с дипломатической печатью проходят через руки тех, кого они никогда не увидят. Через руки людей, которые не спят ночами, чтобы утром самолёт мог взлететь вовремя.

На грузовом перроне, в тени ангара №12, кто-то стоял в темноте. Человек в тёмной куртке без опознавательных знаков смотрел на огни аэропорта и ждал. Он ждал сигнала, ждал груза, ждал момента, когда можно будет действовать. Его дыхание было ровным, спокойным — как у человека, который привык ждать. Но в его глазах, если бы кто-то мог их увидеть, горел холодный, расчётливый огонь. Он знал, что сегодня ночью что-то должно произойти. Что-то, что изменит всё.

А в нескольких сотнях метров от него, на парковке для сотрудников, глох старый «Пежо-307». Молодой парень с короткой стрижкой и горящими глазами выключил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на огни аэропорта. Он сжимал руль так сильно, что костяшки пальцев побелели. Он боялся. Он не знал, что его ждёт за этими воротами. Но он знал одно — он должен был быть здесь. Он должен был попробовать.

Он вышел из машины, и холодный ветер ударил в лицо, принося запах керосина и бетона. Он сделал глубокий вдох, чувствуя, как этот запах наполняет его лёгкие. Запах, который станет для него родным. Запах Зоны-1.

Он пошёл к КПП, его шаги звучали гулко на мокром асфальте. За его спиной горели огни Шарля-де-Голля. Впереди его ждала новая жизнь.

Зона-1 просыпалась. Таймер запускался.

Двадцать минут до вылета.

ЧАСТЬ I. НОЧЬ ПЕРЕД СМЕНОЙ

Каждый день здесь начинается с прощания.

Глава 1. Эстакада в тумане

Дождь начался, когда Лёша выехал из Парижа.

Сначала это были редкие капли, которые разбивались о лобовое стекло его старого «Пежо-307», оставляя грязные разводы. Потом — сплошная стена воды, которая заставляла включить дворники на полную скорость. Они скрипели, будто протестуя против такой нагрузки, но Лёша не обращал внимания. Он смотрел на дорогу и думал о том, что его ждёт.

Впереди, сквозь пелену дождя, начали проступать огни. Сначала — оранжевые, тусклые, размытые. Это были огни пригорода, складов, заправок. Потом — белые, яркие, как звёзды, спустившиеся на землю. Это был аэропорт.

Шарль-де-Голль никогда не спал. Даже в час ночи, когда весь Париж погружался в сон, здесь кипела жизнь. Лёша видел это уже в третий раз — он приезжал на собеседование, потом на медкомиссию, потом на инструктаж. Но сегодня был первый раз, когда он ехал не как гость, а как свой. У него был бейдж, выданный на месяц, и направление в отдел грузовых перевозок.

«Сектор D, смена с полуночи до восьми утра», — прочитал он на бумажке, которую держал в кармане куртки.

Он выключил музыку. В салоне стало тихо. Только шум дождя и скрип дворников. Лёша сжал руль и выдохнул.

— Ты сможешь, — сказал он сам себе. — Ты не для того ушёл из офиса, чтобы сдаться на первом же повороте.

Он вспомнил, как сидел в своём кубикле в логистической компании на окраине Парижа. Стены из серого пластика, монитор с бесконечными таблицами, кофе из автомата, который пах жжёным сахаром. Ему было двадцать три, он окончил университет с красным дипломом, и его карьера должна была быть блестящей. Но каждый день он смотрел на часы и ждал, когда можно будет уйти. Не потому, что был ленивым. Потому что там, в этом кубикле, он задыхался.

— Ты с ума сошёл? — сказала мама, когда он объявил, что увольняется. — У тебя стабильная зарплата, страховка, пенсионный план! А ты хочешь таскать ящики в аэропорту?

— Я не буду таскать ящики, мам. Я буду логистом в грузовом терминале. Это та же работа, только живая. Я буду видеть, как улетают самолёты. Я буду знать, что моя работа — это не цифры в Excel. Это реальные вещи, реальные люди.

Мама не поняла. Отец, который всю жизнь проработал водителем автобуса, понял.

— Ты хочешь быть там, где всё движется, — сказал он, глядя на сына поверх очков. — Я понимаю. Только не подведи себя. И не подведи их.

Лёша не знал, кого имел в виду отец. Может быть, коллег. Может быть, пассажиров. Может быть, самого Лёшу.

Он свернул на съезд, обозначенный синей табличкой «CDG Cargo». Дорога сузилась, стала более ухабистой. По бокам потянулись заборы из колючей проволоки, за которыми угадывались силуэты ангаров. Вдали горели прожекторы, освещаая стоянки с рядами грузовиков.

Лёша сбросил скорость. Он искал КПП №4, куда ему было велено приехать для оформления.

Дворники скрипнули в последний раз, и Лёша увидел его — шлагбаум, будку, красные и белые полосы, горящие огни. Рядом с будкой стоял грузовик с итальянскими номерами, и из окна КПП высунулась рука с планшетом.

Лёша припарковался в десяти метрах за грузовиком, заглушил двигатель. В салоне стало тихо. Только капли дождя барабанили по крыше.

Он посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Молодое лицо, короткая стрижка, глаза, которые старались выглядеть уверенными, но выдавали волнение. Он поправил воротник куртки, взял папку с документами и вышел из машины.

Дождь ударил по лицу. Холодный, колючий, он заставил Лёшу прищуриться. Он быстро пошёл к КПП, перепрыгивая через лужи.

Внутри будки было тесно, но тепло. Пахло табаком, дешёвым кофе и сыростью, которая, казалось, въелась в стены. На столе — монитор с изображениями с камер, кружка с остатками кофе, пепельница, полная окурков. На стене — портрет президента Франции и расписание смен.

За столом сидел мужчина. Лёша сразу понял, что это Марсель — тот самый «Цербер», о котором ему рассказывали на инструктаже. Крупный, с седыми усами, лысеющей головой и цепким взглядом человека, который привык проверять всё и всех.

Мужчина поднял глаза от планшета и посмотрел на Лёшу. Взгляд был тяжёлым, оценивающим.

— Ты новенький? — спросил он. Голос был хриплым, с лёгким южным акцентом.

— Да, — Лёша протянул папку. — Лёша Соколов. Меня направили на смену в сектор D. Марсель взял папку, открыл, пролистал документы. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он сверил фотографию на бейдже с лицом Лёши, затем проверил дату выдачи.

— Соколов, значит, — пробормотал он, словно пробуя фамилию на вкус. — Русский?

— Наполовину. Отец — русский, мать — француженка.

— Понятно. — Марсель положил папку на стол и взял ручку. — Первая смена?

— Да.

— Боишься?

Лёша замялся. Он хотел сказать «нет», но что-то в глазах Марселя заставляло говорить правду.

— Немного, — признался он.

Марсель хмыкнул. Это не было насмешкой. Это было одобрением.

— Бояться — нормально. Плохо — не бояться. Когда не боишься, ты делаешь ошибки. А здесь ошибки стоят дорого. — Он поставил печать на бейдж и протянул его Лёше. — Держи. Пропуск на месяц. Через месяц придёшь, скажешь, как дела. Если не уволишься раньше.

— Я не уволюсь, — сказал Лёша, беря бейдж.

Марсель снова посмотрел на него тем же цепким взглядом.

— Все так говорят. Половина уходит через месяц. Вторая половина — через три. Остаются только те, кто понимает, что это не работа. Это жизнь.

Он замолчал, затем махнул рукой на дверь.

— Проходи. Твой ангар — через пятьсот метров, налево. Там увидишь ворота с номером 12. Зайдёшь в бытовку, там Дизель — он тебя введёт в курс.

Лёша взял бейдж, хотел сказать спасибо, но в этот момент из динамика раздался голос Светы:

— *Марсель, ты там уснул? У меня фура из Испании стоит, водитель жалуется, что его уже полчаса не пропускают.*

Марсель вздохнул, взял рацию:

— *Скажи ему, чтобы не нервничал. Я проверяю документы. Если он торопится — пусть летит самолётом, а не фурой.*

Он положил рацию и посмотрел на Лёшу.

— Иди уже. И не ходи по красной линии — это зона движения тягачей. Сомнут, искалечат, а мне писать рапорт.

Лёша кивнул, вышел из будки и снова попал под дождь. Он натянул капюшон и пошёл в направлении, которое указал Марсель.

Дорога была мокрой, скользкой. Вдоль неё стояли ряды грузовиков, прицепов, контейнеров. Вдали — очертания самолётов, их огни мигали в такт с каким-то невидимым ритмом. Гул генераторов, звук гидравлики, голоса диспетчеров, доносящиеся из динамиков на столбах.

Лёша шёл и думал о том, что этот мир — одновременно пугающий и завораживающий. Здесь не было таблиц Excel. Здесь были тонны металла, бетона, человеческих судеб. Каждый груз — это чья-то посылка, чьи-то покупки, чьё-то письмо. Каждый самолёт — это чья-то надежда. И он, Лёша, отныне часть этой огромной, шумной, живой системы.

Он остановился перед воротами ангара №12. Они были приоткрыты, и из щели струился жёлтый свет. Лёша шагнул внутрь.

Внутри было тепло. Пахло соляжкой, маслом, металлом и ещё чем-то сладковатым — Лёша не сразу понял, что это сено из клеток для животных, стоящих в углу. В ангаре было несколько тягачей, похожих на спящих динозавров, и груда паллет, сложенных у стены.

В углу, за деревянным столом, сидел мужчина. Он был старше Марселя, лет шестидесяти, с густой седой щетиной и руками, покрытыми шрамами и татуировками, выцветшими от времени. Он пил кофе из большой железной кружки и читал газету — старую, с помятыми страницами, явно вчерашнюю.

Он поднял глаза, когда Лёша вошёл.

— Ты, наверное, Соколов, — сказал он. Голос был низким, хриплым, с хрипотцой человека, который много курил и много говорил по рации.

— Да, — Лёша сделал шаг вперёд. — Меня направили к вам. Вы Дизель?

— Я — Дизель. Или Виктор, кому как удобнее. — Он захлопнул газету и положил её на стол. — Садись, пока есть время. Через пятнадцать минут заступим.

Лёша сел на пластиковый стул, стоявший рядом. Он чувствовал себя неудобно, будто пришёл на экзамен к строгому учителю.

Дизель смотрел на него молча. Неприятный взгляд, цепкий, как у Марселя, но с другой ноткой. Марсель оценивал. Дизель — изучал.

— Первая ночь, — сказал он наконец. Это был не вопрос, а утверждение.

— Да.

— Чего испугался?

— Да ничего... — начал Лёша.

— Не ври, — перебил Дизель. — Я вижу, что испугался. Все тут боятся поначалу. И правильно. Если не боишься — ты дурак. А дураки здесь долго не живут.

Лёша сглотнул. Ему казалось, что его сканируют, как рентгеном.

— Я пришёл работать, — сказал он твёрже, чем чувствовал. — Я знаю, что это сложно. Но я хочу научиться.

Дизель посмотрел на него с лёгким интересом. Кажется, он ожидал оправданий или жалоб, а не решимости.

— Хочешь научиться — научись, — сказал он. — Но есть два правила. Первое: не делай вид, что всё знаешь. Здесь все учатся каждый день, даже я. Второе: если не уверен — спроси. Лучше выглядеть дураком пять минут, чем похоронить кого-то навсегда.

Он замолчал и потянулся за рацией, которая висела на поясе.

— Света, я принял новенького. Готовимся к заступлению. Что у нас в планах?

Из динамика раздался женский голос — чёткий, деловой:

— Привет, Дизель. У нас три приоритета. Первое — рейс из Токио, шесть паллет с электроникой. Второе — почта для посольства США, её нужно отгрузить первой, пока не приехали дипломаты. Третье — две собаки из Берлина, не забудь проверить воду. Вопросы?

— Вопросы нет. Кто идёт на Токио?

— Мишель и новенький. Пусть учится.

— Принято.

Дизель отключил рацию и посмотрел на Лёшу.

— Слышал? Ты идёшь с Хамелеоном. Это Мишель, наш лучший водитель. Смотри на него и учись. Но не повторяй за ним всё — у него есть привычка нарушать скорость.

Лёша кивнул. У него пересохло в горле.

Дизель вздохнул, поднялся, надел куртку.

— Ладно, пошли. Покажу тебе, что к чему. И запомни: здесь нет мелочей. Каждый болт, каждая пломба, каждая наклейка — это жизнь. Моя, твоя, пассажиров. Ты понял?

Лёша посмотрел в глаза старому водителю, и впервые за всю ночь почувствовал, что страх отступает.

— Я понял, — сказал он.

Дизель хмыкнул и пошёл к выходу из ангара.

— Тогда не отставай. У нас есть двадцать минут до вылета Токио.

Конец главы 1.

Продолжаем **Главу 2** — полное погружение в КПП №4, где мы раскрываем Марселя через диалоги, внутренние монологи и ночную атмосферу.

Глава 2. КПП №4. Ночной страж

Марсель смотрел вслед уходящей фигуре Лёши, пока та не растворилась в пелене дождя. Он перевел взгляд на экран монитора, где бежали строки с регистрационными номерами машин, и вздохнул. Восемнадцатый год на этом посту, а он всё ещё не привык к новым лицам. Может быть, потому что большинство из них исчезали так же быстро, как появлялись. Приходят — горят глазами, хотят изменить мир, хотят доказать что-то себе и другим. Уходят — тихо, без прощания, оставляя только пустой шкафчик в бытовке и забытую кружку на столе.

Марсель помнил всех. Он вообще многое помнил — это была его работа. Помнил лица, номера машин, даты въезда и выезда. Помнил, кто куда направлялся и с каким грузом. Помнил даже тех, кто больше не вернулся.

Он взял кружку с остывшим кофе, сделал глоток и поморщился. Холодный. Как всегда. Как будто время здесь застывало. Как будто эти бетонные стены не пропускали ни тепла, ни уюта.

За окном завыл ветер. Дождь усилился, барабания по крыше будки дробью, которая звучала как тиканье гигантских часов. Марсель посмотрел на часы — 22:30. До конца смены ещё восемь часов. Восемь часов, в течение которых он должен оставаться здесь, в этой камерке, и проверять бумажки, которых с каждым годом становится всё больше.

«Когда я начинал, — подумал он, — достаточно было просто посмотреть на водителя. Если он не был пьян и улыбался — пропускай. Теперь — документы, сканы, базы данных, разрешения, допуски. Технологии, блин.»

Он усмехнулся собственным мыслям. Всё-таки он становился старым ворчуном. Как Дизель. Только Дизель — на перроне, а он — на КПП. Но они оба видели одно и то же: как мир вокруг них менялся, а они оставались теми же. Такими же упрямыми, такими же верными своему делу.

Рация ожила, и из неё раздался голос Светы:

— Марсель, ты там жив? У меня итальянская фура стоит на въезде уже пятнадцать минут. Водитель орет на всю рацию, что у него скоропорт — цветы, которые если не довезти до шести утра, завянут.

Марсель вздохнул и взял рацию.

— Света, ты же знаешь мои правила. Я проверяю каждую машину. Если его цветы такие нежные — пусть перевозит их на вертолёте, а не на фуре, которую мы должны пропускать через рентген.

— Марсель, у меня на перроне три рейса одновременно. У меня нет времени на твои церемонии. Пропусти его!

— Света, я тебя люблю, но свой пост я не оставляю. Он пройдёт через рентген, как все. Пять минут, и я его отправлю.

— Ты невыносим, Марсель. Ты это знаешь?

— Знаю, — он усмехнулся. — И это делает меня хорошим стражем.

Он отключил рацию и выглянул в окно. Итальянская фура стояла в десяти метрах от шлагбаума, её двигатель урчал, выбрасывая в ночной воздух клубы белого пара. Водитель высунулся из кабины — плотный мужчина лет сорока, в бейсболке и с сигаретой в зубах.

— Эй, старый! — крикнул итальянец. — Ты что, уснул там? У меня груз! Скоропорт! Цветы для свадьбы в Париже! Если я опоздаю, у меня вычтут из зарплаты!

Марсель не спеша вышел из будки. Дождь сразу же ударил по лицу, но он не обратил на это внимания. Он подошёл к водительской двери и посмотрел на итальянца снизу вверх.

— Ты забыл два слова, — сказал Марсель спокойно.

— Какие? — итальянец нахмурился.

— «Добрый вечер». Ты даже не поздоровался. Это грубо.

Итальянец опешил. Он явно не ожидал такого поворота.

— Что? Добрый вечер? Ты издеваешься? У меня скоропорт!

— Когда ты кричишь, твой скоропорт не едет быстрее, — сказал Марсель с ледяным спокойствием. — Когда ты улыбаешься — он едет. Выбор за тобой.

Он вытащил планшет и начал сверять документы, специально медленно, чтобы итальянец почувствовал, что время работает против него.

— Название компании? — спросил Марсель, не поднимая глаз.

— «Фьори-дель-Су».

— Громче, я плохо слышу, — перебил Марсель, хотя слышал прекрасно. — Дождь шумит.

— «Фьори-дель-Су», — выкрикнул итальянец, уже почти рыча.

— Отлично. Номер контейнера?

— 345-FG-789

— Груз?

— Цветы. Двадцать коробок. Розы, лилии, орхидеи.

— Сопроводительные документы?

— В кабине! Сейчас! — итальянец залез в кабину и вытащил папку.

Марсель взял её, открыл, начал листать. Медленно. С чувством. Он знал, что всё в порядке, он уже проверил этот груз по базе, но ему нравилась эта маленькая игра. Учить людей терпению. Учить их тому, что здесь, в Зоне-1, не работают крики и ультиматумы.

Итальянец нервно затянулся сигаретой. Его пальцы дрожали.

— Послушай, — сказал он уже тише, почти умоляя. — У меня семья. Жена, дети. Если я опоздаю, меня оштрафуют. Пожалуйста. Я больше не буду кричать.

Марсель поднял глаза. Он смотрел на итальянца долго, изучающе. Так же, как он смотрел на Лёшу пять минут назад. Оценивал.

— Вот видишь, — сказал он наконец. — Вежливость работает лучше крика. Запоминай, и в следующий раз, когда приедешь, я пропущу тебя на минуту быстрее. Но только если ты улыбнёшься.

Он поставил печать в документе и протянул папку обратно.

— Проезжай. Ряд 3, рентген. Жди, пока Ален посмотрит твой груз. Если что-то не так — он тебя вызовет. А я тебя предупредил.

Итальянец выдохнул, как будто с его плеч сняли груз.

— Спасибо, — сказал он искренне. — Честное слово, спасибо.

— Не благодари, — Марсель уже повернулся и пошёл обратно к будке. — Просто помни — цветы любят улыбки. А я — люблю порядок.

Он зашёл в будку, закрыл дверь и снова сел за стол. На мониторе замигала иконка — новая машина на въезде. Марсель вздохнул. Смена только начиналась.

Он снял фуражку, протёр лысеющую голову платком и снова надел. Затем посмотрел на фотографию, висевшую на стене за монитором. Старая, пожелтевшая. На ней — женщина с чёрными волосами, держащая на руках ребёнка. Жена. Дочь. Их нет уже пятнадцать лет. Ушли в один день — в машине, которая врезалась в грузовик на трассе. С тех пор Марсель остался один. И этот пост стал его домом.

Он не пил, не жаловался, не искал утешения в компании. Он просто работал. День за днём, ночь за ночью. Проверял документы, открывал шлагбаум, закрывал. Иногда он думал, что его жизнь превратилась в бесконечный повтор одного и того же — как тот же самый грузовик, который кружит по терминалу и возвращается на то же место.

Но сегодня, когда он смотрел на Лёшу, он почувствовал что-то странное. Может быть, надежду. Может быть, память о том времени, когда он сам был молодым и верил, что его работа имеет значение.

«Он выживет, — подумал Марсель. — Он не такой, как остальные. Есть в нём что-то... правильное. Как у Дизеля. Как у меня когда-то».

Рация снова ожила. Голос был не Светы. Это был Ален — голос ровный, бесстрастный, как у человека, который привык смотреть на мир через рентгеновский экран.

— *Марсель, это Ален. У меня только что прошла фура из Италии — цветы. На снимке — всё чисто. Но я обратил внимание: контейнер, который стоял рядом с ней на стоянке, — я его не помню в расписании. У него нет маркировки. Ты его видел?*

Марсель нахмурился. Он прокрутил в памяти картинку — да, он видел этот контейнер. Серый, без опознавательных знаков, стоял у самого края стоянки, в тени ангара. Но он был уверен, что там пусто, что его привезли для временного хранения, а потом заберут. Разве нет?

— Нет, Ален, не видел, — сказал он. — Но я проверю. Если там что-то есть — я выясню.

— Хорошо. Я на связи.

Марсель выключил рацию и снова посмотрел в окно. Дождь лил, как из ведра, и видимость была почти нулевой. Но он знал, что где-то там, в темноте, стоит тот самый контейнер, о котором говорил Ален.

Он поднялся, накинул куртку и открыл дверь. Ветер ударил в лицо, заставив прищуриться. Он двинулся в сторону стоянки, вдоль ряда грузовиков, стараясь не поскользнуться на мокром асфальте.

Контейнер действительно стоял у стены ангара, метрах в пятидесяти от КПП. Серый, ничем не примечательный. Марсель подошёл ближе и осмотрел его. Без маркировки, без пломб — просто ящик, который кто-то оставил здесь, как будто нарочно.

Он прикоснулся к поверхности — металл был холодным и влажным. И вдруг он почувствовал, что ящик чуть вибрирует. Медленно, едва заметно, как будто внутри него что-то работало.

Марсель замер. Глаза привыкли к темноте, и он разглядел на боку контейнера небольшие отверстия. Вентиляционные. Зачем вентиляция, если это просто склад?

Он прижался ухом к холодной поверхности. Тишина. Только гул генератора где-то вдалеке. Но когда он отстранился, ему показалось, что он услышал тихий стон. Или скреб.

«Животные? — подумал он. — Но по расписанию сегодня только собаки из Берлина. И это не их контейнер».

Он отступил на шаг. В груди неприятно кольнуло. Интуиция, которая не подводила его вот уже двадцать лет, кричала: здесь что-то не так.

— Что ты здесь делаешь? — прошептал он, обращаясь к контейнеру.

Контейнер молчал. Но Марсель знал, что это не просто контейнер. Это проблема. И она только что стала его проблемой.

Он развернулся и пошёл обратно в будку, чтобы вызвать Свету и сообщить о подозрительном грузе.

Дождь усиливался. Капли стучали по асфальту, по крышам машин, по бетонным стенам. Где-то вдалеке взлетел самолёт, и его огни на мгновение вырвали из темноты пустой перрон.

Марсель зашёл в будку, закрыл дверь и взял рацию.

— Света, у меня проблема, — сказал он. — Возле ангара №12 стоит контейнер без маркировки. Я его не регистрировал. Проверь по базе, чей он.

— Сейчас, подожди, — голос Светы стал напряжённым. — Дай посмотреть... Нет, Марсель, в базе его нет. Он не числится ни за одним рейсом. Откуда он взялся?

— Я не знаю, — ответил Марсель. — Но он вибрирует. И внутри что-то есть. Живое. Повисла пауза. Слышно было только шипение рации.

— Я отправляю Алена с собакой, — сказала Света. — Не подходи к нему, Марсель. Если там контрабанда — или что похуже — мы должны действовать по инструкции.

— Знаю, — Марсель сел на стул и посмотрел в окно, туда, где в темноте стоял этот таинственный контейнер. — Знаю. Я ничего не трогал. Но у меня плохое предчувствие.

— У всех оно плохое, — ответила Света. — Держись там. Я высылаю подкрепление.

Марсель отключил рацию и налил себе новый кофе — на этот раз горячий, чтобы согреться. Но когда он поднёс кружку к губам, руки всё равно дрожали.

Не от холода. От того, что он уже знал: этот контейнер — не случайность. И его появление в Зоне-1 может значить только одно — кто-то готовит большую операцию.

Или большую беду.

Конец главы 2.

Продолжаем **Главу 3** — полное погружение в ангар, где Лёша встречает Жан-Пьера, знакомится с атмосферой ночного грузового терминала и получает первые уроки выживания в Зоне-1.

Глава 3. Ангар «Эр Франс Карго»

Лёша вошёл в ангар следом за Дизелем, и звук дождя сразу же стих, сменившись гулом вентиляции и металлическим эхом шагов по бетонному полу. Внутри было просторно — потолок терялся в полумраке, а стены уходили вдаль, теряясь за рядами стеллажей и контейнеров. Пахло здесь смесью солянки, мазута, старого дерева и ещё чем-то сладковатым, что Лёша не мог идентифицировать.

— Это животные, — сказал Дизель, заметив его замешательство. — Клетки для перевозки собак, кошек, иногда птиц. Запах сена и хлорки — наша визитная карточка.

Лёша оглянулся. В углу действительно стояли клетки — металлические, с решётками, внутри которых лежала солома. Они были пусты, но по запаху чувствовалось, что сегодня утром здесь кого-то перевозили.

— Откуда они? — спросил Лёша, стараясь не показать, что ему не по себе.

— Откуда угодно, — пожал плечами Дизель. — Берлин, Лондон, Мадрид. Животные летают чаще, чем ты думаешь. Кто-то переезжает, кто-то покупает породистого щенка, кто-то везёт на выставку. Но запомни: с животными — особое внимание. Если они начинают нервничать, это не просто каприз. Это может быть сигналом — что-то не так с грузом, или с температурой, или с давлением. Понял?

Лёша кивнул, хотя не совсем понял, причём здесь давление и температура. Но он решил не переспрашивать — пока.

Они прошли мимо рядов грузовых тележек, на которых лежали паллеты, обмотанные прозрачной плёнкой. На каждой — бирка с кодом: синяя, зелёная, красная. Лёша остановился, чтобы рассмотреть их внимательнее.

— Это маркировка, — сказал Дизель, не оборачиваясь. — Синий — международный транзит. Зелёный — местные рейсы в пределах Франции. Красный — опасные грузы. Запомни эти цвета, они спасут тебе жизнь.

— А жёлтый? — спросил Лёша, указывая на паллету, на которой была жёлтая бирка.

Дизель остановился и обернулся. В его глазах мелькнула тень уважения — Лёша заметил деталь, которую обычно пропускали новички.

— Жёлтый — это дипломатическая почта, — сказал он. — Не трогай её, если только нет прямого приказа. Там могут быть документы, которые проверяет только таможня или даже спецслужбы. И никогда не спрашивай, что внутри.

— Почему?

Дизель подошёл ближе и посмотрел на Лёшу в упор.

— Потому что в дипломатической почте может быть что угодно. От секретных контрактов до оружия. И твоя работа — не знать, что внутри. Твоя работа — доставить её в целости и сохранности. Понял?

— Понял, — сказал Лёша, хотя голос его дрогнул.

— Хорошо, — Дизель усмехнулся и пошёл дальше. — Ты быстро учишься. Это уже плюс.

Они подошли к дальнему концу ангара, где стоял длинный деревянный стол, заваленный бумагами, накладными и пустыми стаканчиками из-под кофе. Рядом висела доска, на которой мелом были написаны номера рейсов и времена вылета.

— Это наша штаб-квартира, — сказал Дизель, садясь на табурет. — Здесь мы сверяем накладные, планируем маршруты и обсуждаем, кто из нас сегодня кого убьёт за последний круассан.

Лёша не понял, шутит он или говорит серьёзно. Но решил улыбнуться на всякий случай.

В этот момент из-за стеллажа вышел мужчина. Он был примерно того же возраста, что и Дизель, но выглядел иначе — сутулый, с очками на кончике носа и вечно недовольным выражением лица. Он держал в руках папку, из которой торчали какие-то бумаги.

— Дизель, ты опять притащил новичка, — сказал он, не глядя на Лёшу. — Сколько их уже было в этом году? Пятый? Шестой?

— Седьмой, если считать того парня, который ушёл после первой недели, — ответил Дизель спокойно. — Но этот — другой.

— Все они «другие», — проворчал мужчина, подходя к столу. — До первой серьёзной задержки. А потом — «я не для этого сюда пришёл», «это слишком сложно», «у меня аллергия на бетон».

— Жан-Пьер, прекрати, — сказал Дизель. — Познакомься. Это Лёша. Новый логист. Будет работать с нами.

Жан-Пьер наконец поднял глаза и посмотрел на Лёшу поверх очков. Взгляд у него был таким же цепким, как у Марсея и Дизеля, но в нём было что-то ещё. Усталость. Или, может быть, разочарование.

— Логист, значит, — протянул он. — С красным дипломом, наверное?

Лёша удивился.

— Откуда вы знаете?

Жан-Пьер усмехнулся, но в этой усмешке не было злобы. Скорее горькая ирония.

— Потому что все логисты приходят с красными дипломами. И все думают, что они будут менять мир. А через месяц они понимают, что мир — это не таблицы в Excel, а мокрый бетон и вонючие контейнеры. И они уходят.

Он замолчал, открыл папку и начал что-то записывать в неё.

— Но ты, — добавил он, не поднимая глаз, — ты выглядишь как тот, кто останется. Может быть. Если не сломаешься.

Лёша чувствовал себя неуютно под этим пристальным взглядом, даже если Жан-Пьер смотрел не на него, а в бумаги. Но он решил не отступать.

— Я не собираюсь уходить, — сказал он твёрже, чем чувствовал. — Я хочу научиться работать здесь.

Жан-Пьер поднял глаза и снова посмотрел на него. На этот раз — дольше.

— Тогда докажи, — сказал он и протянул Лёше папку. — Вот почта из Лондона. Контейнер протёк, часть писем намочла. Нужно их переложить в сухие ящики, проверить, не повреждены ли марки, и пересчитать. Это срочно — сегодня утром эта почта должна улететь в посольство США.

Лёша взял папку, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Это было его первое задание. И он хотел выполнить его идеально.

— Я сделаю, — сказал он и уже повернулся, чтобы идти, но Жан-Пьер остановил его:

— И ещё одно, новичок. Когда будешь перекладывать письма — не нюхай их. Даже если они пахнут духами. Особенно если они пахнут духами. Понял?

— Понял, — ответил Лёша, хотя у него было много вопросов.

Он пошёл туда, где стояли контейнеры с почтой, и начал аккуратно перекладывать мокрые конверты в сухие ящики. Работа оказалась монотонной, но Лёша делал её с такой тщательностью, будто это было самое важное дело в его жизни.

Каждое письмо он брал бережно, осматривал на предмет повреждений, записывал номер в список, а затем клал в новую упаковку. Дизель и Жан-Пьер стояли в стороне и наблюдали за ним.

— Смотри, — сказал Дизель тихо. — Он не торопится. Он делает всё аккуратно.

— Это хорошо, — ответил Жан-Пьер. — Но время покажет, как он поведёт себя в аврале.

— Он справится, — сказал Дизель уверенно.

Жан-Пьер усмехнулся.

— Ты всегда видишь в них хорошее, Виктор. Это твоя слабость.

— Это моя сила, — возразил Дизель. — Без неё мы бы уже давно сдались.

Лёша не слышал их разговора, потому что был полностью сосредоточен на работе. Он уже переложил около двух десятков писем, когда заметил одно из них, которое выделялось на фоне остальных. Конверт был тяжёлым, его края были запечатаны красным воском, а на лицевой стороне стоял герб — золотой, с орлом и короной.

Лёша замер. Он вспомнил предупреждение Жан-Пьера: «Не трогай дипломатическую почту». Но это письмо лежало среди обычных, и оно было мокрым — вода просочилась через упаковку и начала размывать герб.

Он осторожно взял его в руки. Конверт был холодным, влажным, и Лёша чувствовал, что бумага вот-вот развалится.

— Жан-Пьер! — крикнул он. — У меня здесь письмо с гербом! Оно мокрое!

Жан-Пьер подскочил мгновенно, как будто его ударило током. Он подбежал к Лёше и взял письмо из его рук с такой осторожностью, будто это была бомба.

— Ты его не открывал? — спросил он резко.

— Нет! Я только взял!

— Хорошо, — выдохнул Жан-Пьер. — Хорошо. Ты молодец, что позвал меня.

Он повернулся к Дизелю.

— Виктор, это дипломатическая почта. Срочно. Её нужно отправить в посольство сегодня утром. Не дай ей высохнуть — она может раскрошиться.

Дизель подошёл, взглянул на письмо и нахмурился.

— Откуда оно здесь? Оно должно было быть в отдельном контейнере, с жёлтой маркировкой.

— Не знаю, — ответил Жан-Пьер. — Оно могло попасть сюда случайно. Или... — он замолчал, — ... или кто-то хотел его спрятать.

Лёша смотрел на них с расширенными глазами. Он не понимал, что происходит, но чувствовал: это не просто письмо. Это что-то важное.

— Что мне делать? — спросил он.

— Ничего, — сказал Дизель. — Ты уже сделал всё правильно. А теперь иди, отдохни. У нас будет тяжёлая ночь.

Лёша кивнул, хотя он не чувствовал усталости. Но он понял: здесь, в ангаре, он столкнулся с миром, где даже письма могут быть опасными. И он должен научиться различать — что безопасно, а что нет.

Он отошёл в сторону, уступая место Дизелю и Жан-Пьеру, которые начали спорить о том, как лучше сохранить письмо. Но в голове у Лёши крутилась только одна мысль:

«Кто мог спрятать это письмо? И зачем?»

В этот момент на табло загорелся новый рейс.

Токио — Прибытие. 00:15.

Лёша посмотрел на часы. У него было двадцать минут до первой разгрузки.

Двадцать минут до вылета.

Конец главы 3.

Продолжаем **Главу 4** — полное погружение в бытовку, где раскрываются характеры, традиции и внутренний мир героев перед первой совместной сменой.

Глава 4. Бытовка. Ритуал заступления

Лёша стоял у входа в бытовку и не решался войти. За дверью слышался гул голосов, смех, звон металлических шкафчиков, хлопанье дверей, звуки, которые создавали ощущение привычного, отлаженного хаоса. Он сглотнул, поправил воротник куртки и толкнул дверь.

Внутри было тесно. Узкое помещение с низким потолком, вдоль стен — два ряда металлических шкафчиков, на многих из которых отсутствовали замки или были сломаны ручки. Пол из потрескавшегося линолеума, на котором пятнами темнели следы от грязных ботинок. В центре комнаты стоял длинный деревянный стол, заваленный газетами, пустыми пачками из-под сигарет, несколькими кружками, чьё содержимое давно превратилось в засохшую пенку.

Запах здесь был смесью сырости, табака, дешёвого одеколона и ещё чего-то кисловатого, что Лёша списал на старый холодильник, стоявший в углу. Холодильник был покрыт ржавчиной, а на его дверце висела записка, написанная от руки: *«Не брать чужие йогурты!»*

Напротив холодильника висела доска, на которой мелом были написаны имена и смены. Под ними — приколотые кнопками распечатки: график работы, список штрафов, объявление о том, что в следующую пятницу будет собрание всего отдела.

Лёша заметил, что на доске висит и фотография — старая, пожелтевшая, с заломленным краем. На ней был запечатлён молодой мужчина в форме грузчика, стоящий рядом с тросом. На обороте было написано: *«Памяти Андре. 1998—2003»*.

Он не успел рассмотреть подробнее, потому что чей-то голос раздался из-за спины:

— Ну что, новичок, стоишь как приклеенный? Проходи, не бойся, мы не кусаемся. Ну, почти не кусаемся.

Лёша обернулся. Перед ним стоял парень примерно его возраста, с рыжими волосами, веснушками и широкой улыбкой, которая, казалось, была приклеена к его лицу навсегда. Он был одет в рабочую куртку, расстёгнутую до середины груди, и держал в руке термос с кофе.

— Привет, — сказал Лёша, улыбнувшись в ответ. — Меня Лёша зовут. Я...

— Логист, знаю, знаю, — перебил парень, подходя ближе. — Дизель уже сказал. Новенький, с красным дипломом, хочет изменить мир. Мы тут таких каждый месяц видим. Но ты не похож на других. В хорошем смысле.

Он протянул руку.

— Я Мишель. Но все зовут меня Хамелеон. Хотя моя фамилия, если честно, не Хамелеон. Просто я всегда меняю скорость, как хамелеон цвет. Сегодня медленно, завтра быстро. А ещё я люблю быструю езду. Дизель ворчит, что у меня вместо мозга — спидометр.

Лёша пожал протянутую руку. Рука у Мишеля была тёплой, с мозолями — как у человека, привыкшего работать руками.

— Мишель, не забивай новичку голову своей чепухой, — раздался голос из угла. — Он пришёл работать, а не слушать твои байки о том, как ты разбил три тягача за год.

Лёша повернулся на голос. В углу, у открытого шкафчика, стоял парень лет двадцати пяти, коренастый, с коротким ёжиком чёрных волос и серьгой в ухе. Он был полностью сосредоточен на том, чтобы как можно быстрее переодеться — натягивал сапоги, застёгивал молнию на куртке.

— Это Томас, — представил Мишель. — Наш водитель-стажёр. Он ещё не понял, что мы работаем здесь не ради удовольствия, а ради денег.

— Я ради удовольствия не работаю, — ответил Томас, даже не поднимая головы. — Я работаю, чтобы платить за квартиру.

— Вот именно, — Мишель покачал головой с притворным сожалением. — Никакой романтики.

В этот момент дверь бытовки открылась, и вошёл ещё один человек — высокий, худой, с длинными чёрными волосами, собранными в хвост. У него были тонкие черты лица и внимательные серые глаза, которые, казалось, всё замечали.

— О, а это новенький? — спросил он, глядя на Лёшу. — Привет. Я Грег. Работаю здесь второй год. Можно сказать, старожил.

— Второй год — это не старожил, — проворчал голос из бытовки, и Лёша узнал его — это был голос Дизеля. — Старожил — это я. А вы, мальчики, только начинаете.

Дизель вошёл в бытовку, снял куртку и повесил её на крючок у двери. Он был без головного убора, и Лёша заметил, как седина резко контрастирует с его загорелой кожей.

— Ладно, — сказал Дизель, поворачиваясь ко всем. — Переключка. Кто на месте?

— Мишель на месте, — отозвался рыжий.

— Томас на месте, — сказал коренастый.

— Грег на месте, — ответил сероглазый.

— Новенький на месте, — сказал Дизель, глядя на Лёшу. — Остальные — кто не на месте? Жан-Пьер где?

— Он в ангаре, проверяет почту из Лондона, — ответил Мишель. — Там какая-то проблема с контейнером.

— Хорошо. Света — на месте, в диспетчерской. Ален — на месте, в рентген-бункере. Софи — на месте, проверяет собак. Марсель — на месте, на КПП. Итак, все готовы.

Дизель подошёл к столу, налил себе кофе из большого термоса и сделал глоток. Затем он повернулся к Лёше, который всё ещё стоял у входа, не зная, куда сесть и что делать.

— Слушай сюда, новичок, — сказал он. — У нас есть правила. Не только те, что в инструкции, а те, по которым мы живём. Запоминай.

Он поднял палец.

— Правило первое. Всегда проверяй закрепление груза перед тем, как ехать. Даже если это делает опытный водитель. Даже если это делаю я.

Он поднял второй палец.

— Правило второе. Если не знаешь, что делать — спроси. Лучше выглядеть дураком пять минут, чем быть героем, который уронил паллету с хрупким грузом.

Третий палец.

— Правило третье. Никогда не говори «я не могу». Здесь всё возможно. Нужно просто найти способ.

Четвёртый палец.

— Правило четвёртое. Когда на перроне начинается аврал, все забывают про инструкции. Но ты — не забывай. Инструкции написаны кровью. Запомнил?

Лёша кивнул, стараясь запомнить каждое слово. Ему казалось, что он находится в армии, а не на логистическом терминале.

— Запомнил, — сказал он.

— Хорошо, — Дизель опустил руку. — Теперь — про бытовку. Тут есть свои традиции. В шкафчике, который будет твоим, есть маленький секрет. Открой его, когда останешься один.

Он кивнул в сторону пустого шкафчика в конце ряда — старого, с ободранной краской и цифрой «13» на дверце.

— Почему тринадцать? — спросил Лёша.

Дизель ухмыльнулся.

— Потому что мы суеверные. И если ты будешь работать здесь долго, ты тоже станешь суеверным.

Лёша не понял, шутит ли он, но решил не переспрашивать.

Мишель подошёл к нему и положил руку на плечо.

— Не переживай, через пару дней ты привыкнешь. И даже начнёшь получать удовольствие. Здесь есть своя магия.

— Какая? — спросил Лёша.

Мишель улыбнулся своей широкой улыбкой и подмигнул.

— Магия того, что ты никогда не знаешь, что прилетит в следующем рейсе. Иногда это дипломатическая почта. Иногда — клетка с крокодилом. А иногда — просто ящик с гвоздями, который заставят нести два человека, потому что он слишком тяжёлый. Но ты никогда не знаешь. И это заставляет тебя просыпаться каждое утро и идти на работу.

Лёша задумался над его словами. Возможно, в них был какой-то смысл. Возможно, именно это и было тем самым «живым», чего ему не хватало в офисе.

— Ладно, — сказал Дизель, ставя кружку на стол. — Все в ангар. Прилетает Токио через двадцать минут. У нас есть время только на то, чтобы проверить технику.

Он хлопнул в ладоши, и все мгновенно задвигались — как будто кто-то нажал на кнопку «старт». Мишель схватил ключи от тягача, Томас накинул куртку, Грег поправил ремень. Через минуту бытовка опустела.

Лёша остался один.

Он посмотрел на шкафчик с цифрой «13», подошёл к нему и медленно открыл дверцу. Внутри было пусто, только на дне лежал маленький листок бумаги, сложенный вчетверо.

Лёша развернул его. На листке было написано рукой Дизеля:

«Добро пожаловать в Зону-1. Я тоже начинал с тринадцатого шкафчика. Я всё ещё здесь. Ты — следующий. Не подведи. Дизель».

Лёша улыбнулся. Он почувствовал, что, несмотря на всю суровость и жёсткость, эти люди были не чужими. Они были командой. И он стал её частью.

Он аккуратно сложил листок, положил его обратно в шкафчик и закрыл дверцу.

Затем он накинул куртку и вышел из бытовки — в ангар, навстречу первому рейсу.

В этот момент на табло загорелась новая строка.

Токио — Прибытие. 00:15.

Двадцать минут до вылета.

Конец главы 4.

Продолжаем **Главу 5** — первый выход Лёши на ночной перрон, где он сталкивается с суровой реальностью Зоны-1, её ритмом, опасностями и негласными законами.

Глава 5. Ночной перрон. Пустой и злой

Лёша вышел из ангара, и холодный ветер ударил в лицо с такой силой, что он невольно зажмурился. Дождь к этому времени почти закончился, но воздух оставался влажным, тяжёлым, пропитанным запахами керосина, горячего асфальта и металла. Небо над аэропортом было чёрным, без единой звезды, только огни прожекторов прорезали темноту, выхватывая из неё контуры самолётов, ангаров, тягачей.

Перрон расстился перед ним как бесконечное бетонное поле, испещрённое разметкой. Жёлтые линии — для техники, белые — для людей, красные — запретные зоны. Лёша остановился на пороге, чувствуя, как ветер треплет полы его куртки, и пытался осознать масштаб того, что видел.

Самолёты стояли рядами. Огромные, с подсвеченными хвостами, они казались спящими гигантами, готовыми проснуться по первому сигналу. Вдали, у самой взлётной полосы, горели огни — красные, белые, зелёные, они мигали в такт с каким-то невидимым ритмом, создавая иллюзию, что всё здесь движется, дышит, живёт.

— Ну что, Ботаник, — раздался голос Мишеля, который уже сидел за рулём тягача и ждал его. — Давай, прыгай в кабину. У нас нет времени любоваться пейзажами.

Лёша подошёл к тягачу, открыл дверцу и забрался внутрь. Кабина была старой, обшарпанной, но внутри пахло чем-то приятным — возможно, освежителем воздуха, который висел на зеркале заднего вида. На приборной панели лежала карта терминала, испещрённая пометками, и несколько пустых стаканчиков из-под кофе.

— Пристегнись, — сказал Мишель, уже поворачивая ключ зажигания. — И держись крепче. У нас всего десять минут до прибытия Токио, а нам нужно пересечь весь перрон.

— А почему мы не можем поехать по прямой? — спросил Лёша, пристёгиваясь.

— Потому что прямая — это взлётная полоса, — усмехнулся Мишель. — А там сейчас садится «Эйр Франс» из Нью-Йорка. Если мы выедем на полосу, нас не просто оштрафуют. Нас расстреляют. Ну, или уволят. Что примерно одно и то же.

Он нажал на газ, и тягач с грохотом тронулся с места. Лёша вцепился в сиденье, когда машина резко набрала скорость. Стрелка спидометра поползла вверх — 10, 15, 20 километров в час.

— Мишель, мы превышаем скорость! — крикнул Лёша, глядя на приборную панель.

— Всего на пять километров, — ответил Мишель беззаботно. — Это не превышение. Это способ выжить.

— Но инструкция...

— Инструкция, — перебил Мишель, бросая быстрый взгляд на Лёшу, — писалась людьми, которые никогда не видели, как из самолёта выгружают клетку с гепардом. Если мы будем ехать десять километров в час, мы не успеем разгрузить борт до рассвета. А если не успеем — пилоты начнут звонить начальству, начальство начнёт звонить Свете, а Света начнёт звонить мне. И я не хочу, чтобы Света звонила мне. Ты понял?

— Понял, — сказал Лёша, хотя внутри у него всё сжималось от страха.

Они ехали между рядами самолётов, лавируя между другими машинами и контейнерами. Мишель вёл машину с лёгкостью, как будто делал это всю жизнь — что, в общем-то, было правдой. Его руки лежали на руле расслабленно, но глаза внимательно следили за дорогой.

— Смотри, — сказал Мишель, кивая вперёд. — Это наш борт. Тот самый Токио.

Лёша посмотрел вперёд. У дальней стоянки стоял грузовой Боинг. Его белая livрея с синей полосой была частично скрыта в темноте, но огромные размеры самолёта были видны даже отсюда. Он казался чудовищем, которое пришло из другого мира.

— Красивый, правда? — сказал Мишель. — Я люблю грузовые рейсы. Они не похожи на пассажирские. В них нет истеричных пассажиров, которые хотят быстрее выйти. Только груз. Спокойный, предсказуемый. Ну, почти.

Они подъехали к самолёту, и Мишель затормозил. Тягач остановился в нескольких метрах от грузового люка, который уже начал открываться, издавая шипение гидравлики.

— Выходи, — сказал Мишель, выключая двигатель. — Давай, покажу тебе, как это делается.

Лёша вышел из кабины и сразу же почувствовал мощный запах авиационного керосина. Ветер дул со стороны взлётной полосы, и слышно было, как далеко гудят двигатели другого самолёта, готовящегося к взлёту.

Они подошли к грузовому люку. Внутри Боинга было темно, только горела аварийная подсветка, отбрасывающая тусклый жёлтый свет на ряды паллет, закреплённых ремнями.

— Техника безопасности, — сказал Мишель, останавливаясь у люка. — Первое: никогда не заходи внутрь без разрешения пилота. Второе: никогда не заходи внутрь, если не знаешь, как открепить паллеты. Третье: если что-то пошло не так — выбегай. Это не трусость. Это инстинкт самосохранения.

Он шагнул внутрь, и Лёша последовал за ним. Внутри самолёта было прохладно, пахло пластиком, металлом и машинным маслом. Паллеты стояли рядами, и каждая была обмотана прозрачной плёнкой, под которой угадывались коробки, контейнеры, мешки.

— Вот это — наш груз, — сказал Мишель, указывая на первую паллету. — Электроника из Токио. Осторожно, не тряси. Будем выгружать её, начиная с этой.

Он подошёл к паллете и начал отстёгивать ремни. Лёша попытался помочь, но Мишель остановил его.

— Не спеши. Сначала смотри, потом делай. Каждый ремень имеет свой замок. Если ты отроешь его неправильно, ремень может лопнуть, и груз упадёт. Понял?

— Понял, — сказал Лёша, внимательно следя за движениями Мишеля.

Они начали выгружать паллеты одну за другой. Лёша помогал отстёгивать ремни, потом подхватывал освобождённый груз и вместе с Мишелем двигал его к люку, где ждал другой водитель на погрузчике.

Прошло около получаса, прежде чем большая часть груза была выгружена. Лёша чувствовал усталость, но не хотел показывать это, чтобы не выглядеть слабым перед Мишелем.

— Неплохо, — сказал Мишель, когда они остановились, чтобы перевести дух. — Ты работаешь быстрее, чем я ожидал.

— Спасибо, — улыбнулся Лёша.

— Не расслабляйся, — предупредил Мишель. — У нас есть ещё одна паллета. И она — необычная.

Он указал в конец грузового отсека, где стояла паллета, покрытая серым брезентом. Она выглядела иначе, чем другие — меньше по размеру, но более массивная, с металлическими уголками по краям.

— Что это? — спросил Лёша.

— Не знаю, — пожал плечами Мишель. — В документах значится как «Транзитный груз. Предметы искусства». Но я видел такие ящики раньше. Обычно в них везут что-то очень хрупкое или очень дорогое.

Он подошёл к паллете, откинул брезент. Под ним оказался деревянный ящик с надписью на японском языке и несколькими штамповками.

— Наверное, скульптуры или вазы, — сказал Мишель. — Но мы не будем гадать. Мы просто отвезём его в ангар, как указано в документах.

Они начали аккуратно снимать ремни, и в этот момент Лёша заметил, что на боку ящика есть небольшая щель, из которой торчит край пластикового пакета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.